

Эразм Роттердамский

Жалоба мира Эразм Роттердамский

Примечание

Вопросы войны и мира глубоко волновали европейских гуманистов – ведь их «общеевропейский дом» был местом непрерывных военных столкновений, ожесточенных раздоров различных правителей. К этим вопросам не раз обращался Эразм Роттердамский. Так, в «Адагиях» помещено эссе «Война сладка тому, кто ее не изведал». В 1517 г. была опубликована «Жалоба Мира». Мы помещаем несколько сокращенный перевод с латинского этого произведения Эразма Роттердамского, выполненный Ф. Л. Мендельсоном и впервые напечатанный в Журнале «Вопросы философии» (1955. – 5).

Жалоба мира

Говорит Мир:

Когда бы смертные люди презирали меня, изгоняя и даже стараясь совсем уничтожить, чего я никак не заслуживаю, делали все это с пользой для себя, тогда я бы жаловался лишь на свои обиды и на их несправедливость. Но когда они изгоняют меня, источник всего их благоденствия, а сами погружаются в океан всевозможных бедствий, мне приходится больше оплакивать их несчастья, чем свои обиды. Теперь мне приходится сокрушаться и горевать об участи тех, на кого я должен был бы гневаться.

Посудите сами! Отталкивать того, кто любит тебя, – жестоко; относиться с неприязнью к тому, кто заслуживает величайшей благодарности, – неразумно; убивать того, кто является отцом и благодетелем всех людей, – самое нечестивое дело! А разве не верх безумия лишаться всех превосходных благ, которые я приношу, и добровольно навлекать на себя самые злейшие беды?

Злых людей надо ненавидеть. Но тех, кто одержим слепой яростью, можно только оплакивать. Ибо больше всех достоин сожаления тот, кто этого не понимает; несчастнее всех тот, кто не замечает своего несчастья. Ведь для того, чтобы исцелиться, нужно знать свою болезнь!

Поэтому я, Мир, прославленный людьми и богами, говорю: я – источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего,

что когда-либо существовало в небе и на земле. Без меня никогда и нигде не бывает ничего процветающего, ничего надежного, ничего чистого и святого; без меня нет ничего приятного для людей и нет ничего угодного для богов.

Война же, наоборот, противна всему сущему: война – первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким.

Но если в войне нет ничего святого, если она, словно моровая язва, разъедает совесть и веру, если для людей нет ничего более пагубного, для бога – ничего более ненавистного, если все это так, то почему же вы отворачиваетесь от меня? Разве вы разумные люди? Кто поверит, что вы обладаете хоть крупицей мудрости, если, не жалея ни трудов, ни забот, ни расходов, ни уговоров, прибегая ко всяческим ухищрениям, пренебрегая всевозможными опасностями, вы стремитесь во что бы то ни стало изгнать меня и заменить войной – воплощением всех бед и страданий.

Пусть бы меня отвергали дикие звери, я бы легче примирился с этой обидой. Потому что жестокость – в природе диких зверей: они злобны по натуре.

Пусть бы меня ненавидели неразумные существа, я бы скорее простил их незнание. Потому что те, кто лишен силы разума, не могут по достоинству оценить приносимые мною дары.

Но поразительное дело! Хотя природа только человека наделила разумом, способным воспринять божественную волю и откровение, только его создала полным доброты и стремления к согласию, однако я скорее нахожу себе пристанище среди самых свирепых зверей, среди самых неразумных и злобных тварей, чем среди людей!

Согласие существует и среди самых свирепых и диких зверей. Лев никогда не проявит кровожадности к себе подобным. Вепрь не распарывает разящим клыком вепря. Среди рысей царит мир. Дракон в ярости не набрасывается на дракона. А согласие среди волков даже вошло в поговорку.

Но я могу рассказать про вещи и более удивительные! Неблагодетельные души, которые первыми нарушили и продолжают нарушать божий мир и единство людей, сегодня вступили в союз и отстаивают любезную им тиранию в полном согласии между собой!

Только людей – а именно они больше всего нуждаются в единодушии – не в силах примирить ни добрая и могучая природа, ни воспитание, ни явная польза от взаимного согласия. Самые тяжкие испытания, самый

горький опыт не могут объединить их и внушить им взаимную любовь.

А ведь у всех людей общая форма лица и тела, общий звук голоса. Все прочие виды живых существ большей частью отличаются друг от друга формой тела. Но лицом и силой разума наделен только человек разум присущ всем людям в отличие от иных существ. А кроме того, людям дан язык – лучший посредник для установления дружбы и согласия

Язык позволяет людям установить дружбу, согласие и взаимную любовь, потому что среди всех людей посеяны семена знаний и добродетелей, все люди наделены разумом, кротким и настроенным делать добро ближним, за исключением тех случаев, когда человек, охваченный похотью или преступными мыслями, словно опоенный зельем Цирцеи, превращается в зверя. Именно поэтому в народе принято называть человеческим все то, что служит признаком благожелательного отношения людей друг к другу, таким образом, слово «человечный» обозначает нравственные, а не физические свойства человеческой природы

Всевозможными способами и путями природа учит людей согласию. Не довольствуясь выражением взаимного расположения на словах, она сделала так, что содружество стало не просто приятно, но и необходимо. Для этого она так разделила все свойства души и тела между людьми, что теперь нет ни одного человека, который мог бы прожить без помощи своих ближних. Природа по разному наделила людей самыми различными качествами, и это неравенство исчезает лишь тогда, когда между людьми царят мир и взаимная любовь. Различные предметы доставляются из различных стран, уже одно это учит людей взаимному уважению.

Природа дала всем прочим живым существам оружие и средства для самозащиты. Только человека она оставила слабым и безоружным, способным защищать себя от общей опасности лишь в содружестве с другими людьми. Так необходимость создала города, общество, научила людей товариществу, научила их, сливая воедино слабые силы, давать отпор диким зверям и разбойникам.

Поистине, ничто в мире не смогло бы уберечь человеческое дитя, особенно новорожденное, от гибели, если бы семья не выкармливала его и не заботилась о нем в полном согласии. Пожалуй, ни один человек, не мог бы родиться, а если бы и родился, то все равно неизбежно умер бы в самом начале жизни, если бы дружеская рука матери и кормилицы не поддерживала его. А для этого природа зажгла в родителях страстную привязанность и любовь к детям. К этому она прибавила уважение и любовь к своим родителям, чтобы родители могли легче переносить болезненность и капризы детей, чтобы одно уравновешивало другое. Греки

удачно называли такое соотношение антипеларгозис, что означает понимание взаимной выгоды. К этому прибавляются еще узы кровного родства и свойства. В общем, создается такое сочетание разума, опыта и нравов, которое служит вернейшим залогом взаимной благожелательности. Во многих случаях подобное сочетание порождает стремление к дружбе и взаимную любовь, которыми старики так восхищаются, приписывая их божественному влиянию.

Так, приводя бесчисленные доказательства, природа учит людей согласию и миру. Так она привлекает их к себе всевозможными соблазнами. Так она соединяет их множеством связей, так подчиняет их своей воле. И при всем этом какая-то адская злоба все же овладевает людьми. В их сердца вселяется всепожирающая, ненасытная страсть к кровопролитиям! Поверить, что люди, постоянно занятые бесплодными раздорами и войнами, наделены разумом, может только тот, кто привык к этим действиям настолько, что перестал им удивляться и видеть всю их пагубность. Наконец, люди нарушают порядок и спокойствие повсеместно, в мирских селениях и святых местах, всюду неся грабежи, кровь и разорение. И нет такого содружества или союза, которые были бы достаточно священны и чтимы, чтобы примирить и утихомирить тех, кто яростно устремляется друг на друга для взаимного уничтожения.

Да, если бы все обстояло так просто, одного общего слова или человеческого имени было бы достаточно, чтобы достигнуть соглашения между людьми. Но выходит, что природа, которая так сильна среди диких зверей, с людьми ничего не может поделать. А имя Христа, неужели и оно ничего не значит для христиан? Пусть в данном случае влияния природы недостаточно, хотя среди существ, лишенных разума, она является великой силой; но поскольку учение Христа превосходит учение природы, то почему же и оно не может убедить тех, кто его исповедует, в самом основном своем положении: в благодетельности мира и взаимной любви? Или почему это учение хотя бы не заставит людей забыть о таком буйном помешательстве, как война?

Когда я слышу человеческую речь и вижу людей, я, Мир, устремляюсь к ним как к существам, предназначенным исключительно для того, чтобы я восторжествовал. Я постепенно проникаю, в их души, веря, что в людях мое законное пристанище. А когда я вижу христианина, я спешу к нему изо всех сил, питая самые сладостные надежды воцариться в нем.

Но здесь – мне стыдно и горько признаться в этом – в судах и в палатах советников, при дворцах и храмах – всюду слышатся крики и вопли раздоров и споров, каких не бывает даже в капищах язычников.

Причиной многих несчастий и бедствий человека являются адвокаты, однако они составляют лишь очень небольшую часть всех тех, кто занимается спорами и раздорами.

Я обращал мой взор к городам. На время во мне зарождалась надежда, что здесь, наконец, есть доброе согласие между теми, кто живет окруженный одной стеной, что здесь царят и правят одинаковые законы и что здесь, как на одном корабле, всех объединяют одинаковые опасности. Увы, как я ошибался! И здесь тоже все настолько раздражается несогласием, что мне с трудом удастся найти хоть один дом, в котором я мог бы прожить хоть несколько дней.

Минуя простой народ, который, будучи волнуем ссорами да раздорами, напоминает бушующее море, я обращался ко дворам государей, как к некоей гавани. Без сомнения, думал я, среди них и должно быть место для мира, потому что они более мудры и осторожны, чем обычные люди, потому что они – глаза народа. Кроме того, они наместники Того, кто есть Князь Согласия и кто в действительности посылает меня всем людям, а в особенности государям.

И все мне как будто благоприятствовало. Я видел нежные приветствия, любовные объятия, веселые пиршества и все прочие действия и признаки гуманности. Но, увы, невероятное дело? Я не мог отыскать среди них даже тени истинного мира и согласия! Все здесь было подкрашено и искусственно, все имело радушную внешность, за которой скрывались недовольство и подлая злоба. И под конец я обнаружил, что нет здесь места для мира, ибо здесь находятся истоки и причины всех раздоров и войн.

Неужели после всего этого я должен еще страдать, видя, как надежды обманывают меня? Я увидел, что государи скорее могущественны, чем просвещенны, что они больше внимают алчности, чем здравым суждениям разума. Тогда я решил примкнуть к обществу ученых людей. Хорошие книги делают людей, философия создает более чем людей, богословие создает богов. Я был уверен, что отдохну среди ученых после стольких мытарств.

Но, увы, новое разочарование! Здесь идет та же самая война, но только в ином роде, не такая кровавая; но не менее бессмысленная и неразумная. Одна школа отличается от другой, истинная сущность вещей меняется в зависимости от страны: многие истины не могут переплыть через море, перебраться через Альпы, переправиться через Рейн. Даже в одной и той же академии логики воюют с риториками, а богословы с юристами.

Воюют друг с другом даже представители одной и той же профессии: например, последователи Скота воюют с последователями Фомы, номиналисты сражаются с реалистами, платоники с перипатетиками. Дело зашло так далеко, что даже в самых незначительных вопросах они не могут прийти к согласию и часто с ожесточением нападают друг на друга из-за пустяков, пока сражение не становится все жарче и жарче, когда от аргументов переходят к злословию, а от злословия – к драке. И если спор не может быть разрешен ни с помощью кинжала, ни с помощью копья, тогда они разят друг друга своими ядовитыми, отравленными перьями и лощеной бумагой, обращая смертоносное жало своего языка против доброй славы противника.

Оставался еще один род людей, которые так привержены к религии, что не могут отбросить ее, даже если бы они того пожелали, как черепаха не может избавиться от своего панциря-жилища.

Я мог бы надеяться, что найду себе место среди них, если бы надежда столь часто не обманывала меня и под конец не заставила во всем отчаяться. Но все же, решив испытать все, что можно, я сделал еще одну попытку. Вы хотите знать, чем она кончилась? Ни от кого из людей я не отказываюсь так охотно, как от этих. Да и на что мне было надеяться, если ни одна из религий не согласна с другими религиями? Различных религий столько же, сколько различных религиозных братств. Доминиканцы спорят с миноритами, бенедиктинцы с бернардинцами, сколько названий, столько и религий, сколько религий, столько и различных церемоний, потому что они ни в чем не согласны между собой. И каждый человек доволен своей религией, ненавидит и проклинает религию других. А разве одно и то же религиозное братство не раздирается раздорами? Обсерванты ругают колетов, и все вместе проклинают третьих, чье название идет от слова «конвенция», – конвентуалов¹; между всеми ними нет согласия.

И поскольку дела обстоят таким образом, я, уже ни во что не веря, хотел бы укрыться в каком-нибудь маленьком монастыре, в котором бы царил настоящее нерушимое спокойствие. Но как ни прискорбно говорить об этом, я до сих пор не нашел ни одного монастыря, который бы не был отравлен взаимной ненавистью и раздорами. Стыдно слушать, какие бесполезные склоки и споры из-за самых мелочных и суетных предметов затевают и поддерживают старые люди, которых должно бы уважать и почитать ради их бород и сутан. А какими учеными и какими святыми кажутся они с виду!

Еще улыбалась мне слабая надежда, что где-нибудь среди счастливых семей для меня найдется место. Разве не обещают этого общий дом, общая

постель, дети, родные? А кроме того, общий закон для тел супругов, настолько единых, что можно подумать, будто это не два тела, а одно, составленное из двух. Но, должно быть, преступные Эринии² и раздор пробрались и сюда и, внося несогласие в умы, разделили тех, кто связан друг с другом столькими узами И все же я скорее нашел бы себе место среди этих людей, чем среди тех, кто, обладая саном и знаками отличия, со всевозможными церемониями проповедует высшее милосердие.

И наконец, я возжаждал последнего – найти себе место хоть в сердце какого-нибудь одного человека. Но и это мне не удалось. Потому что человек сражается и борется с самим собой: разум воюет с чувствами, а чувства – между собой, жалость влечет к одному, а жадность – к другому, похоть требует одного гнев – другого, честолюбие – третьего, алчность – четвертого.

То, что христианам угодно называть церковью, чему иному она поучает, как не единодушию? Но что общего между войной и церковью? Церковь славит согласие, а война есть следствие раздоров. Если вы гордитесь тем, что являетесь частью церкви, то что вам за дело до войны? Если же вы отпали от церкви, то что вам за дело до Христа? Если вы приняты в одном доме, если у вас общий господин, если вы стоите за одно и приняли одинаковую присягу, если радуетесь одним дарам, если вы питаетесь одной пищей, если с вас требуется и спрашивается одинаковое воздаяние, почему же вы так вздорите между собой? Мы видим, что даже среди подлых наемников, готовых за плату и на убийство, царит великое согласие лишь потому, что идут они на войну под одним и тем же знаменем. Но неужели такое множество вещей не может примирить тех, кто проповедует святость? Неужели все священные обряды ничего не могут поделать?

Увы, пословица говорит, что злые дела примиряют злых людей. Есть ли что более хрупкое, чем жизнь человеческая? Или более короткое? И скольким болезням и превратностям она подвержена? И все же, зная это, люди, словно лишённые разума, навлекают на себя всевозможные беды, большие, чем они способны вынести и выстрадать. Умы людей настолько ослеплены, что они ничего этого не видят. Они всячески стараются разорвать а расторгнуть все узы природы, все узы единоверия и человеческого общежития. Они повсюду сражаются друг с другом, и этому не видно ни конца, ни края. Нация с нацией, город с городом, цех с цехом, государь с государем сталкиваются и наносят друг другу урон. И часто из-за глупости или тщеславия двух человек, которым самим, возможно, суждено в ближайшее время погибнуть от черной оспы, все человеческие

дела идут насмарку.

Я не стану говорить о трагедиях древних войн. Вспомним хотя бы дела десяти прошедших лет³. Какая из наций не сражалась за эти годы на суше и на море с величайшей яростью? Какая страна не была залита христианской кровью? Какая река и какое море не были замутнены кровью людей? Стыд и позор! Христиане сражались еще более ожесточенно, чем древние евреи, чем язычники, чем дикие звери! Войны, которые вели древние евреи, были направлены против чужеземцев. Таковую войну христиане должны вести против пороков, которые распространены среди них, а не против людей! Древними евреями руководила в сражениях вера. А христиан, если здраво взглянуть на вещи, отбросив предвзятые мнения, повсюду увлекает в битву тщеславие. Гнев – самый худший советчик – и ненасытная преступная жажда стяжательства руководят ими. Древние евреи воевали с варварами, а христиане вступают в союз с турками и сражаются друг с другом.

Обычно жажда славы заставляла языческих тиранов начинать войны. Ради этого они покоряли варваров и дикие народы, что шло на благо самим варварам, а потому победитель пользовался расположением побежденных. И языческие тираны делали все возможное, чтобы победа была бескровной, чтобы побеждали за них признанная сила и заслуженная слава и чтобы доброта победителя была утешением для побежденных.

Но мне стыдно вспоминать, из-за каких пустейших и суетных причин отвергают мир в войны христианские государи. Один государь отыскивает или присваивает себе какой-нибудь старый и опороченный титул, как будто в нем заключается нечто весьма важное для властвования и управления королевством, словно в этом заключены все выгоды и благополучие страны. Другой государь находит, что какая-то мелочь – я уже не могу вам сказать, какая, – пропущена в перечислении сотен титулов. Третий государь лично оскорблен тем, что ему лживо передала его супруга, разобиженная каким-нибудь ничего не значащим словом или вольной фразой.

Но самое преступное и гнусное – это лицемерие тиранов, Они ощущают и видят свое могущество, лишь разрушая согласие в народе, а когда это согласие нарушено, они втягивают и вовлекают народ в войну, чтобы, разъединить тех, кто еще оставался единым, и чтобы еще свободнее и легче грабить и истязать несчастных людей. Другие из них еще преступнее – это те, кто жиреет за счет несчастий и разорения народа и кому в мирное время нечего делать в человеческом обществе.

Какие адские фурии смогли влить подобный яд в сердца христиан?

Кто выдумал эту тиранию? Подобной не знали ни при Дионисии, ни при Мезенции, ни при Фалариде. Нынешние тираны скорее похожи на диких зверей, чем на людей. Они горды своим тиранством. Их гордость не в благородстве и не в мудрости, а в том, чтобы вредить и наносить урон другим, не в согласии и содружестве, а в том, чтобы угнетать всех остальных. И тех, кто совершает подобное, считают и принимают за христиан, и повсюду эти осквернители приходят в святые храмы и приближаются к алтарям! О, вы хуже самой страшной чумы, и вас лучше бы изгнать на отдаленнейшие острова!

Все христиане – братья. Но почему же каждый из них не радуется, видя благополучие и процветание других людей? Теперь думают так: если соседнее государство процветает и здравствует, то одного этого вполне достаточно для того, чтобы начать против него войну.

Что же еще, если говорить правду, заставило и заставляет многих ополчаться с оружием на королевство французское, как не то, что это королевство самое процветающее из всех? Нигде нет столь обширных, необозримых владений, столь благородного сената, столь знаменитых университетов, нигде нет большего согласия, а потому и большего могущества.

Германия, я уже не говорю о Богемии, настолько раздроблена между различными королями, что никоим образом не походит на единое государство. Только Франция является неувядающим цветом христианства. Она подобна крепости, которая может служить защитой в случае грозы или бури. И в нее-то всеми путями вторгаются и всеми способами ее разоряют, хотя те, кто это делает, должны были бы именно по этой причине, если бы в них была хоть капля христианской морали, быть довольными и наиболее к Франции благосклонными. А они считают свои злые дела хорошими и справедливыми. Они говорят, что этим расчищают путь для расширения царства Христова. О чудовищное дело! Они думают, что весь христианский мир не будет достаточно богат и укреплен, если не разрушить прекраснейшую и счастливейшую часть его!

Если бы так поступали простые люди, можно было бы все объяснить их невежеством. Если бы так делали юнцы, можно было бы простить им из-за отсутствия опыта. Если бы такое творили невежды и глупцы, их недостатки служили бы оправданием жестокости совершаемого. Но ныне мы видим, что виновниками войны чаще всего являются те, благодаря чьим советам и умеренности можно было бы предотвратить столкновение народов.

Простые люди возводят великолепные города, а построив их, сообща

управляют ими и, управляя, становятся богатыми. Сатрапы прокрадываются в эти города и, как трутни, безбожно уничтожают и расхищают то, что создано и добыто трудом и искусством других людей. Так немногими развеивается то, что собрано трудом многих, и чем прекраснее бывает созданное, тем беспощаднее оно разрушается.

Если кто не помнит того, что было давно, то, конечно, вспомнит, если захочет, сражения и войны, которые происходили за последние десять лет. Стараясь найти их причины, он обнаружит, что они все начинались по почину государей, а кончались великим ущербом и потерями для народа, который не имел к войнам никакого отношения.

В давно прошедшие времена язычники говорили: «Не седой голове носить шлем!» Тогда это считалось постыдным. А сегодня это считается похвальным и достойным среди христиан. По мнению Овидия Назона, старцу не подобает быть солдатом, а теперь считают, что быть солдатом в семьдесят лет – похвальное дело!

Но как можно совмещать шлем и митру? Что общего у епископского или пастырского посоха с мечом? Что общего у Евангелия со щитом? Как можно приветствовать людей с миром и одновременно ввергать их в самые жестокие битвы, ниспосылать мир на словах, а на деле призывать войну? Как можно, чтобы одни и те же уста громко восхваляли миролюбивого Христа и одновременно восхваляли войну? Как может одна и та же труба возвещать приход Христа и Сатаны? Как можете вы, прикрывшись сутаной, в святой молитве призывать к убийству простых людей, которые жаждут услышать из ваших уст евангельские истины? Как можете вы, занимая места апостолов, проповедовать то, что противоречит учению апостолов? И не страшит ли вас, наконец, то, что сказанное о посланцах христовых – «как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое» (Рим.10:15) – вами полностью извращено? Подл и недостойн язык священника, призывающего к войне, толкающего ко злу, проповедующего смерть и убийство!

Среди древних римлян во времена их язычества тот, кто исполнял обязанности высшего священнослужителя, по обычаю клятвенно подтверждал, что руки его будут чисты и не запятнаны кровью. Даже тогда, когда его оскорбляли, он не должен был мстить. Тит Веспасиан, языческий император⁴, и тот постоянно следил и заботился о том, чтобы эта клятва не нарушалась, за что был восхваляем языческими писателями.

О люди, окончательно потерявшие стыд! Священники, божи слуги среди христиан, и монахи, претендующие на еще большую святость, чем священники, – все они разжигают в государствах и простом народе страсть

к убийствам и войнам. Трубу архангела они превращают в трубу Марса – бога войны. Забыв о своем достоинстве, они бегают и рыщут повсюду, толкая всех, кого могут, к войне.

И из-за этих людей, чей авторитет должен был бы внушать кротость и согласие и примирять борющихся и враждующих, государи, которые сами, возможно, миролюбивы, загораются стремлением к войнам. Увы, что еще удивительнее и невероятнее, они сами враждуют друг с другом из-за вещей, презираемых даже языческими философами, из-за презренных пустяков, которыми служители церкви должны были бы пренебречь.

Несколько лет назад, когда мир был жестоко ввергнут каким-то роковым недугом в войну, проповедники Евангелия – минориты и доминиканцы – завопили и затрубили в свои трубы, воспаляя все больше и больше тех, кто и так по собственному характеру был склонен к жестокостям.

Среди англичан они возбуждали англичан против французов, а среди французов они толкали французов против англичан. Они вдохновляли И призывали всех людей к войне. Никто, кроме одного или двух человек, не призывал к миру, и если бы я назвал их имена, то для них это было бы равносильно смерти.

Святые епископы, забыв свое достоинство и сан, мечутся туда и сюда, наиусерднейшим образом растравляя и усугубляя все язвы и раны мира. С одной стороны, они возбуждают папу Юлия, а с другой – королей, как будто те сами недостаточно безумны, чтобы устремиться в войну. И они же еще прикрывают это явное безумие пышным славословием.

Чтобы достичь своих целей, они бесстыдно и лживо искажают законы отцов, написанные благочестивыми людьми, искажают слова Священного писания. Увы, дело дошло до того, что стало считаться безумием и даже святотатством, если человек открывает рот для восхваления того, что прежде всего восхваляли уста Христовы. То, что Христос превозносил мир – из всех вещей наилучшую и порицал войну – вещь наиболее пагубную, едва ли в силах примирить народы и мало нравится государям. Сегодня священники следуют за войсками. Епископы играют главную роль в армии и, покинув свои храмы, служат теперь Беллоне⁵.

Увы, теперь сама война порождает и делает священников: она назначает епископов, она выбирает кардиналов, и лагерный поп считается достойнейшим претендентом на должность наместника апостолов. И нет ничего удивительного в том, что те, коих породил Марс, бог войны, так жаждут войны. А для того чтобы эта язва стала еще ужаснее, эти люди прикрывают и прячут ее под личиной милосердия.

Издавна я наслушался всевозможных оправданий, которые ловкие и умные люди изобретают на свою же погибель. Они жалуются на то, что вовлечены в распри и принуждены воевать против своей воли. Отбросьте эти объяснения и оправдания, снимите лживую личину! Вглядитесь в свою собственную душу и совесть: вы увидите, что не необходимость, а ярость, тщеславие и глупость движут вами.

Как не пожалеть о том, что любая обида или ссора приводит к войне! Между мужем и женой случается много такого, на что не следует обращать внимания, исключая то, что может погубить любовь и взаимное уважение. А если подобные несогласия возникают между государями, что же заставляет их из-за этого начинать войну? Ведь существуют законы, существуют ученые люди, существуют почтенные аббаты, почтенные епископы, чей добрый совет мог бы устранить и примирить все несогласия. Почему же они не сделают этих людей арбитрами? Даже если такие арбитры будут пристрастны, то и тогда государи потерпят меньший урон, чем от последствий войны. Нет такого худого мира, который был бы хуже самой удачной войны! вспомните сначала все, что влечет за собой война, и вы увидите, насколько выгоднее для вас мир.

Папа римский обладает высшим авторитетом. Но когда народы и государи беспорядочно сражаются в яростной войне в продолжение многих лет, то где же он, этот папский авторитет? Где она, власть наместника Христа? В подобном положении вещей неизбежно приходится задавать себе вопрос: не связаны ли они – и авторитет, и власть папы римского – с подобными преступлениями?

Папа призывает к войне – люди повинуются. Папа призывает к миру – почему же люди не повинуются таким же образом? Если они действительно жаждут мира, почему они повинуются папе Юлию, зачинщику войны⁶? И почему никто не повинуется папе Льву, призывающему к миру и согласию⁷? Если бы папский авторитет был истинно свят, он наверняка бы имел наибольшую силу в тех случаях, когда призывал к тому, чему учил Христос. Но тогда как же смог папа Юлий ввергнуть людей в смертоносную войну и почему папа Лев, наиболее праведный из пап, призывавший людей путем стольких доводов к христианскому миролюбию, ничего не достиг? Это показывает, что под предлогом служения церкви папы служили своей собственной алчности, чтобы не сказать о них хуже.

Если вы в сердце своем ненавидите войну, я дам совет, как вам защитить согласие. Совершенный мир зиждется не на лигах и конфедерациях, из которых, как мы знаем и видим, часто рождаются и

начинаются войны. Источник, из которого вытекает это зло, должен быть очищен от злых помыслов и желаний, порождающих раздоры и споры. Если каждый человек будет служить своим личным желаниям, это сильно повредит всему обществу. И тогда ни один человек так и не достигнет того, к чему стремился со злыми помыслами по несправедным путям. Пусть государи будут мудрыми для пользы народа, а не только для своей выгоды; и пусть они будут действительно мудрыми, чтобы измерять свое величие, свое преуспеяние, свои богатства, свою славу тем, что на деле делает людей совершенными и великими. Пусть они будут для всего общества тем же, чем является отец для своей семьи. Король должен считать и полагать себя великим и благородным лишь тогда, когда он управляет и руководит добрыми подданными; он может считать себя счастливым, если приносит своим подданным счастье; возвышенным – если он командует и управляет теми, кто свободен; богатым – если его подданные богаты; благоденствующим – если его города процветают в постоянном мире.

Знатные люди и должностные лица должны подражать государю и следовать в этом за ним. Они должны судить обо всем, исходя из выгоды и пользы всего общества, и таким путем и способом они гораздо вернее смогут добиться выгоды для самих себя.

Может ли король, придерживающийся таких взглядов, стремиться отнять деньги у своих подданных для того, чтобы содержать на них наемные войска из чужестранцев? Может ли он обрекать своих подданных на голод и недоедание для того, чтобы обогатить каких-нибудь бессовестных вояк-капитанов? Может ли он подвергать жизнь своих подданных стольким опасностям? Я думаю, что не может.

Пусть, управляя своей империей, государь помнит, что, будучи человеком, он управляет людьми, что, будучи свободным человеком, он управляет свободными людьми и, наконец, что, будучи христианином, он управляет христианами. И в то же время пусть народ оказывает ему почести лишь постольку, поскольку это идет на пользу всему обществу, – ни один добрый государь не желал бы и не стремился бы ни к чему большему. Мир и согласие среди горожан могут обуздать злые помыслы плохого государя. Пусть ни горожане, ни государь не думают о своей частной выгоде. Пусть величайшие почести воздаются тем, кто предотвращает войну, кто мудрым советом восстанавливает согласие и кто всеми силами делает так, что становятся ненужными великие армии и огромные запасы оружия. Лучше всех из множества римских императоров, как мы знаем, поступал в этом отношении Диоклетиан⁸.

Но если уж война становится неизбежной, пусть ведут ее так, чтобы

все несчастья и тяготы обрушивались на головы тех, кто явился виновником войны. Теперь государи начинают войны и остаются в безопасности, их военачальники становятся великими людьми, огромная же часть всех бед и потерь падает на плечи земледельцев и простого народа, который не думал о войне и не давал к ней никакого повода. Где же мудрость у государя, если он не понимает подобных вещей? Где же разум у государя, если он относится к подобным вещам столь легкомысленно? Надо найти средства к тому, чтобы границы государств перестали подвергаться частым изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к смутам, а смуты – к войне. Ведь легко можно было бы сделать так, чтобы наследники короля женились в границах своих владений, а если уж им так нравится жениться на иноземках, то у них должна быть отнята всякая надежда на престолонаследие⁹. Точно так же следует признать незаконным, если государь уступает или продает часть своих владений, словно свободные города являются его частным поместьем. Ибо свободными городами управляют короли, а порабощенные города стонут под игом тиранов.

Ныне из-за путаных браков государей случается так, что человек, рожденный ирландцем, правит Индией, или, скажем, тот, кто правил сирийцами, внезапно становится королем Англии. Так случается, что одно государство, которое он покидает, остается без государя, а в другом этот государь никому не известен и выглядит как человек, рожденный в другом мире. Приобретая одно государство, переделывая его и устраиваясь в нем, он в то же время разоряет и истощает другое. А иногда он выбивается из сил, стараясь удержать оба государства, когда едва может справиться с одним, и оба теряет. Государям следует раз и навсегда договориться между собой, чем каждый из них должен управлять и править, чтобы никакие хитрости не могли увеличить или уменьшить границы их владений, однажды им врученных и доверенных, и чтобы никакая федерация или лига не могла их разорить и уничтожить.

Каждый из государей должен трудиться и радеть, употребляя все свои силы на то, чтобы способствовать процветанию своих владений. Вкладывая весь свой опыт и разум только в эти владения, он должен делать все, чтобы оставить их своим детям обогащенными всеми богатствами и благами. И таким образом во всех местах произойдет так, что все будет процветать. А между собой государи должны быть связаны не родством и не искусственным товариществом, а чистой и искренней дружбой и еще более общим и одинаковым стремлением содействовать всеобщему благосостоянию.

Пусть тот наследует государю, кто является ближайшим к нему по родству или кого народное голосование признало наиболее достойным, и пусть этого будет достаточно для других, чтобы отказаться от престола, как поступают благородные люди среди честных людей. Истинно королевское свойство – уметь отказываться от личных стремлений и судить обо всем лишь с точки зрения всенародной, всеобщей полезности. Кроме того, государь должен избегать дальних странствий. Он не должен когда-либо хотеть или стремиться оставить берега или границы своего королевства. Он должен помнить пословицу, справедливость которой подтверждена опытом времени: «Внешность всегда заманчивее, чем изнанка».

Государь должен считать себя обогащенным не тем, что он отнимает у других людей, а тем, что увеличивает свои собственные богатства. Когда речь пойдет о войне, пусть он не зовет для совета и обсуждения ни юнцов, для которых война сладка и приятна лишь потому, что они сами ее не испытали и не знают, сколько зла и несчастий она влечет и несет за собой, ни тех, кому нарушение всеобщего спокойствия приносит выгоду, ни тех, кто питается и жиреет за счет народных страданий. Пусть он призовет старых и мудрых людей, чье благочестие известно всей стране. Не позволяйте также вовлекать себя в войну ради удовольствия или прихоти одного или двух человек, потому что начать войну легко, а завершить трудно. Это самая опасная и рискованная вещь, за исключением тех случаев, когда она начата с согласия всего народа.

Поводы и причины войн надо немедленно устранять. Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам, ибо вежливость порождает и вызывает вежливость. Иногда мир должен быть куплен. И когда ты подсчитаешь, что поглотит и уничтожит война, и учтешь, сколько горожан спасаешь от разорения, то увидишь сам, что, как бы дорого ты ни заплатил, цена будет незначительной. Ведь война потребовала бы помимо крови твоих граждан гораздо более значительных расходов. И когда ты сообразишь, каких бед избежал и сколько добра защитил, то не жаль будет средств, потраченных для предотвращения войны.

В то же время пусть епископы занимаются своим делом и службой. Пусть священники будут настоящими священниками. Пусть монахи вспомнят свои обеты. Пусть богословы учат тому, что угодно Христу. Пусть все люди объединятся против войны. Пусть все люди поднимут против нее свои голоса. Пусть все люди проповедуют, прославляют и превозносят мир публично и частным образом. И если они не смогут

предотвратить вооруженное столкновение, то в любом случае они не должны ни одобрять его, ни участвовать в нем, ни оказывать никаких почестей людям, участвующим в этом преступном деле.

Пусть убитых на войне зарывают в неосвященной земле, где попало. Если будут среди убитых добрые люди, которых окажется, конечно, немного, они не должны быть из-за прочих наказаны и лишены погребения. Но жестокие и злые, которых множество, не должны утешаться тем, что такая честь будет оказана и им. Я говорю о войнах, которые обыкновенно ведут христиане против христиан по мелким и несправедливым поводам. Я не имею в виду при этом тех, кто решительно и умело отражает яростное нашествие варваров и, рискуя своей собственной жизнью, защищает всеобщее, всенародное спокойствие.

Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира. Все те, кому мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить. Они либо стараются не замечать того, что мешает миру, либо устраняют и мирятся со многим, лишь бы мир – величайшее благо – был сохранен и спасен. Другие же ищут поводов для начала войны. То, что ведет к миру, они оставляют без внимания или уничтожают, но то, что ведет к войне, они усиливают и усугубляют. Мне стыдно рассказывать, из-за каких ничтожных и суетных вещей развязывают и создают великие трагедии и какие страшные пожары возникают из маленькой искорки. Тогда вспоминается великое множество оскорблений, и каждый человек вспоминает нанесенные ему обиды и содеянные беды. И в это же время о добрых делах никто не вспоминает, они оказываются в глубочайшем забвении, так что можно действительно поклясться, что все люди желают войны и стремятся к войне.

Часто личные дела государей вовлекают народы в войну. Но причины, по которым эта война ведется, должны быть явными и известными всем. Когда к войне нет вовсе никаких причин, они иной раз выдумывают поводы для несогласий, путая названия стран и провинций для того, чтобы разжигать взаимную ненависть. Знать поддерживает и раздувает заблуждения неразумных людей и злоупотребляет ими к своей частной выгоде и корысти. Даже некоторые священники участвуют в подобном обмане.

Англичане смотрят на французов как на врагов лишь за то, что они французы. Англичане ненавидят шотландцев лишь за то, что они шотландцы. Немцы враждуют с французами, испанцы – и с теми и с другими. Какая противоестественность во всем этом! Простое название местности разъединяет людей. Почему же такое множество других вещей

не может примирить их? Ты, англичанин, ненавидишь француза. Но почему ты, человек, не можешь быть доброжелательным к другому человеку? Почему христианин не может быть доброжелательным к христианину?

Не удовлетворяясь этим, некоторые людские умы намеренно и злобно выискивают поводы для противоречий и споров. Они разделяют на части Францию, такую страну, которую ни горы, ни моря, ни истинное название местностей не разделяет. Из французов они делают немцев, чтобы общие имена не способствовали усилению и росту дружбы.

Если судья в таком отвратительном деле, как развод, не принимает на веру исков и не соглашается с любыми доказательствами, то почему же люди в самом отвратительном из всех дел, таком, как война, принимают на веру любую, самую ничтожную и незначительную причину? Пусть они лучше подумают и рассудят, что на самом деле весь этот мир – единая общая страна для всех людей. Если название страны примиряет тех людей, которые оттуда родом, если кровное родство делает их друзьями, если церковь является единой семьей, одинаково общей для всех людей, если один и тот же дом объединяет и порождает дружбу, то умные и рассудительные люди должны согласиться с этим и признать справедливость моих слов.

Разбирая причины ссоры, которая была между Ахиллом и Агамемноном, Гомер сваливал все на богиню Афину¹⁰. Но те, кто призывает людей к согласию, не должны оправдываться ссылками на судьбу или на каких-то злых духов: причину раздора ищите в самих людях!

Почему они гораздо сообразительнее тогда, когда речь идет об их процветании? Почему они быстрее схватывают дурное, чем доброе? Когда нужно сделать что-либо разумное, прежде чем его совершить, всегда рассуждают, раздумывают и рассматривают дело со всех сторон. Но в войну бросаются, не размышляя, закрыв глаза и очертя голову, особенно тогда, когда война уже начата и не может быть предотвращена. Увы, из большой она быстро становится великой! Из одной возникают многие. Из бескровной она превращается в кровавую. А самое главное, когда разражается эта буря, она карает и поражает не одного или двух, а всех людей в равной мере.

Простой народ легкомысленно относится к подобным вещам, как будто решение вопроса о войне есть дело одного лишь государя и знати. По правде сказать, именно священники должны заниматься этим вопросом, выяснять желание или нежелание народа воевать. Если к ним

будут повсюду прислушиваться, то они смогут дать ясный и определенный ответ на этот вопрос.

И неужели ты все еще хочешь войны? Сначала подумай, что такое мир и что такое война, сколько пользы приносит мир и сколько ущерба и зла приносит война, и тогда ты поймешь, разумно ли заменять мир войной. Если есть где-либо что-то вызывающее восхищение – королевство, в котором все и всюду процветает, с хорошо построенными городами, с тщательно возделанными и обработанными полями, с наилучшими законами, с самыми честными нравами, с самыми святыми обычаями, – подумай про себя: «Пойди я туда войной, вся эта благодать будет мною погублена». С другой стороны, если ты увидишь развалины городов, разбитые улицы, преданные огню храмы, опустошенные поля – все это жалкое зрелище таким, как оно есть, – подумай: «Все это – плоды войны!»

Если ты горишь желанием ввести в страну предательскую и жестокую армию наемников, кормить и ублажать ее, разоряя народ и нанося ему ущерб, если хочешь прислуживать им – да, да, льстить им – и даже доверять свою собственную жизнь их произволу, подумай обо всем этом. Это необходимые условия войны.

Ты презираешь воровство, а война этому учит. Ты ненавидишь отцеубийство, а этому научаются на войне. Тот, кто так легко убил многих, разве он остановится перед убийством одного, если он того пожелает? Если пренебрежение к законам является ныне пороком всего общества, то во время войны законам вообще приходится молчать. Если ты считаешь блуд, кровосмесительство или еще худшие вещи злом, то война поощряет все подобные дела. Если святотатство и пренебрежение к религии являются источником всех зол, то буря войны ниспровергает и религию, и веру.

Если ты считаешь, что нынешнее общество порочно потому, что худшие люди в нем имеют большую власть, то знай: во время войны царят отъявленные преступники. И их дела, за которые в мирное время их бы распяли и повесили, во время войны считаются самыми главными и самыми почетными. Потому что кто проведет войско по потайным тропам лучше разбойника? Кто лучше сможет ограбить дома других людей и осквернить храмы, чем взломщик и святотатец? Кто отважнее изрубит врага или выпустит ему мечом кишки, чем фехтовальщик или братоубийца?

Кто искуснее предаст огню город или военные машины, чем поджигатель домов? Кто легче справится с опасностями волн и морей, чем пират, привыкший к морским грабежам? Чтобы яснее понять и разуместь,

насколько отвратительна война, взгляни на тех, кто ее ведет.

Если для верующего государя нет ничего дороже безопасности и процветания его подданных, он должен прежде всего ненавидеть войну. Если счастье государя заключается в том, чтобы счастливо управлять государством, то он должен больше всего любить мир. Если мы хотим, чтобы хороший государь правил наилучшим образом, мы должны желать, чтобы он ненавидел войну, источник всех преступлений. Если он полагает, что все, чем владеют его горожане, принадлежит ему, он должен всеми силами избегать войны, которая, как это часто случается, поглощает все состояние людей; то, что приобретено и создано честным искусством и честным трудом, растрачивается на свирепых палачей.

Теперь следует самым тщательным образом взвесить следующее: желания и побуждения каждого человека дороги ему, и чаще всего бывает так, что самые дурные побуждения, увлекающие его к злу, кажутся ему наиболее правильными и справедливыми. Это-то часто и вводит людей в заблуждение. Но какой бы справедливой ни казалась причина войны, какие бы выгоды ни сулило ее успешное окончание, подсчитай про себя все убытки, которые причиняет война, и все ее выгоды, которые она должна была бы принести в случае победы, и подумай: а стоит ли вообще так стараться победить?

Победы во все времена почти не бывали бескровными. А теперь и подавно все люди запятнаны человеческой кровью. Кроме того, учти еще падение нравов и общественного порядка, которого не могут возместить никакие выгоды. Ты истощаешь свою казну, ты развращаешь народ, ты угнетаешь честных, ты толкаешь на преступление бесчестных. Война не кончается до тех пор, пока не устранены все ее последствия. Искусства и ремесла приходят в упадок, обмен и торговля прекращаются. Для того чтобы окружить врага, приходится самим покидать многочисленные области и места. А до начала войны все местности и страны, граничащие с вами, были вашими Друзьями, потому что мир путем обмена товаров объединял всех.

Посмотри и рассуди, сколь великую ошибку ты совершил: владения, которые раньше были твоими, теперь едва ли тебе принадлежат. Сколько лагерных сооружений и военных орудий понадобилось тебе, чтобы осадить маленький город! А для того чтобы взять большой город, тебе придется соорудить и построить осадный город и башни. Ты мог бы построить настоящий город с меньшими затратами! Для того чтобы враг не прошел вперед, ты изгоняешь людей из своей страны и заставляешь их спать под открытым небом. Тебе дешевле станет построить новые стены,

чем разрушать их и опрокидывать, сооружая для этого военные машины. Я уже не собираюсь считать и вспоминать, сколько денег пройдет сквозь руки поставщиков и военачальников, хотя и эта сумма немалая!

Когда бы ты меня вспомнил и правильно оценил все это, я бы охотно согласился, чтобы ты меня потом изгнал и отверг навсегда и повсеместно, если ты не убедишься, что мир обходится тебе самое меньшее в десять раз дешевле войны. Но если ты при счете пропустишь хотя бы часть своего ущерба, тебе останется презирать самого себя за малодушие. Да, тогда не будет более верного доказательства злонамеренности презренного духа, которая не останется неотомщенной. Ты думаешь, что если, имея дело с соседним государем и, может быть, твоим родственником или свойственником, который в прошлом благоволил к тебе, ты должен будешь уступить ему часть своих прав, так это уменьшит твоё величие? Но куда более ты унизишь своё величие, если теперь и впредь тебе придется подлаживаться, чтобы понравиться варварским отрядам наемников, гнуснейшим подонкам и самым предательским личностям, которых невозможно ни удовлетворить, ни насытить никаким золотом. Почему тот, кто мудр, посылал послов с просьбой о мире даже к карийцам¹¹, самому злобному и несдержанному народу? А ты, неужели ты вверишь свою жизнь и блага и само существование своего народа тем, кто не уважает ни тебя, ни бога.

Если тебе кажется, что сохранять мир можно только ценою больших жертв, почему бы тебе не подумать так: «Вот я утратил нечто, но зато я, хоть и дорого, купил мир». На это здравый смысл должен был бы ответить: «Я хотел бы прежде всего сохранить все, что принадлежит мне. Я государь, и, хочу я этого или нет, я управляю обществом». Государь не должен легкомысленно ввязываться в раздоры и начинать войну, которая не имеет ничего общего с общественным интересом. Но в действительности мы видим обратное: все причины войны проистекают и возникают из вещей, не имеющих к народу никакого отношения. Если ты обороняешь ту или иную часть своих поместий, что до этого народу? Ты хочешь отомстить тому, кто бросил твою дочь, но какое до этого дело всему обществу? Рассмотреть и взвесить все подобные вещи и здраво их обдумать – обязанность каждого истинно мудрого человека и благородного государя.

Кто во все времена правил более великодушно, или более благородно, или более славно, чем Август Октавиан¹²? Но даже он желал отдать власть и отказаться от своей империи, если бы нашелся другой государь, более полезный для общего блага. Великие древние писатели с восхищением

приводят следующее высказывание императора: «Пусть мои дети погибнут, если кто-либо другой сможет лучше их управлять и заботиться об общественном благе».

Такие добрые мысли об общем благе высказывали язычники. Что же касается христиан, то христианские государи так мало считаются с народом, что готовы подвергнуть страну самым жестоким разграблениям и разрушениям ради того, чтобы отомстить за чьи-нибудь преступные замыслы или алчность, либо ради того, чтобы удовлетворить свою алчность или осуществить свои преступные замыслы.

Ныне я слышу, как некоторые говорят по этому поводу обратное, опровергая самих себя. Они твердят, что чувствуют себя в безопасности лишь тогда, когда они могут решительно сломить силу того, кто замышляет зло. Но почему тогда среди всех бесчисленных римских императоров лишь добрый Антонин да философ Марк Аврелий не подверглись нашествию варваров¹³? Да потому, что никто не правил вернее, чем они, которые готовы были отдать все тем, кем они управляли, и которые правили для всеобщего блага, а не для своей корысти.

Гомер, язычник, больше всего удивлялся тому, что наступает пресыщение приятными и сладостными вещами, такими, как сон, еда, питье, танцы и музыка, и только от несчастливой войны не бывает пресыщения. И это в особенности верно по отношению к тем, кому слово «война» должно быть противно. Рим, этот неистовый воитель в прошедшие времена, в определенные периоды видел свой храм Януса запертым¹⁴. Но почему же у вас нет ни одного дня, когда бы не шла война? Какое бесстыдство нужно для того, чтобы взывать ко Христу, опоре миролюбия, и в то же время в вечных раздорах сражаться между собой? И подумайте теперь, какую смелость внушают ваши несогласия туркам! Легче всего завоевать и покорить тех, кто не знает согласия. Если вы хотите быть страшными для турок, будьте согласны и едины.

Почему вы добровольно лишаете себя удовольствий и веселости этой жизни и отказываетесь от будущей благодати? Жизнь человека сама по себе подвержена множеству превратностей. Согласие может устранить большую часть тревог и страданий. При взаимной помощи люди поддерживают друг друга и удовлетворяют свои нужды. Если происходит что-либо хорошее, оно должно делать согласие еще более приятным и всеобщим. Друг должен принимать на себя часть огорчений друга, доброжелатель должен радоваться своим добрым делам.

Подумайте сами! Достаточно – увы, более чем достаточно! – пролито уже христианской крови или, если вам и этого мало, человеческой крови.

Мы достаточно яростно сражались ради взаимного уничтожения. Этим самым мы до сих пор принесли уже довольно жертв дьяволу и всем фуриям, мы слишком долго были посмешищем для турок. Теперь сказке конец.

Надо же когда-нибудь образумиться после того, как перенесено столько тягот и бед войны. Все, что до сих пор делалось неправильного, неразумного, припишем судьбе. Пусть забвение и прощение зла, которое прежде было угодно язычникам, станет угодно христианам, и пусть они после этого с общего согласия направят все свои усилия на заботу о мире. Итак, употребите свой разум и опыт для того, чтобы связывали вас не веревочные узы, а узы твердые, как алмаз, которые разорвать невозможно.

Поймите, какая огромная сила таится в согласии множества, противостоящего тирании знати! Большая часть народа ненавидит войну и молит о мире. Лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, желают войны. А справедливо или нет, чтобы их бесчестность имела большее значение и силу, чем воля всех добрых людей, судите сами.

Вы видите, что до сих пор ничто не улучшилось, не подвинулось вперед благодаря сговорам, хитростям, жестокости или мести. Докажите теперь, что могут сделать снисходительность и доброжелательность! Война порождает войну, и месть влечет за собой месть. Теперь милосердие должно породить милосердие, добрые дела вызывать на добрые дела, и самым царственным будет тот, кто раздарит большую часть своих королевских прав.

Я сказал!

Примечания

¹ - Обсерванты и конвентдалы – две большие конгрегации внутри францисканского монашеского ордена; обсерванты стояли за неизменное соблюдение строгих правил монашеской жизни, тогда как конвентуалы – за их смягчение.

² - Эринии – в древнегреческой мифологии так именовались богини мщения; они были хранительницами кровных уз и преследовали клятвопреступников и нарушителей законов гостеприимства.

³ - Имеются в виду итальянские войны, особенно обострившиеся с начала XVI в. В этих войнах принимали участие ряд европейских государств, прежде всего Франция, Испания и Германия.

⁴ - Упоминается римский император Тит Цезарь Веспасиан (79–81).

⁵ - Беллона – древнеиталийская (сабинская) богиня войны, супруга Марса.

⁶ - Имеется в виду война, которую вел римский папа Юлий II с Францией в 1511–1513 гг.

⁷ - Имеется в виду римский папа Лее X (1513–1521).

⁸ - Римский император Гай Валерий Диоклетиан, (284–305) вовсе не был сторонником разоружения и ликвидации армии. Напротив, желая поднять боеспособность римского войска, он осуществил военную реформу, сущность которой состояла в замене осевших на границах империи стабильных армий, находившихся под командой наместников, мобильной армией под командованием самого императора или его уполномоченного, размещенной во внутренних городах империи.

⁹ - Изменения государственных границ и присоединения или отторжения тех или иных земель в результате браков коронованных особ были в те времена одной из причин междоусобиц и войн. В памяти Эразма еще был жив пример судьбы его родины, Голландии, принадлежавшей вначале Бургундии, затем попавшей под власть германского императора, что вызвало недовольство и вмешательство Франции, претендовавшей на «бургундское наследство».

¹⁰ - Гомер. «Илиада», I.

¹¹ - Карийцы – народ, населявший в III в. до н. э. юго-западную часть Малой Азии; египетские правители использовали карийцев как наемников.

¹² - Упоминается первый римский император Цезарь Август (27–14 до

н. э.).

¹³ - В действительности при преемнике Антонина Пая (138–161) императоре Марке Аврелии (161–180) происходила очень тяжелая для Рима война против германских племен, которые двинулись на Италию. Эта так называемая маркоманнская война (167–180) велась с большим упорством и стоила огромных жертв. По степени принесенных ею бедствий римский историк Евтропий сравнивал ее со Второй Пунической войной.

¹⁴ - В храме Януса на Форуме в Риме (построенном в честь древнеиталийского бога Януса) ворота были закрыты в мирное время, а при объявлении войны открывались и войска, отправлявшиеся на фронт, проходили через эти ворота.

Содержание

Эразм Роттердамский Жалоба мира Эразм Роттердамский	1
Примечания	23